

Бретонское побережье 936 год

Ее мир не отличался изобилием красок: в нем были только молочно-голубое небо, туманно-серое море, красновато-коричневые скалы и грязно-белая пена. Оборонный вал с прогнившими за много лет бревнами, который высокой стеной опоясывал это глухое место, едва ли мог обеспечить хоть какую-нибудь защиту, его боевой ход не выдержал бы и нескольких ударов, но все же этот вал хранил следы человеческих рук.

Воины были заняты укреплением стены. Отложив оружие, они таскали бревна и камни, в который раз доказывая, что норманны не боятся тяжелой работы. Трудились они самоотверженно, хотя и знали: все, что они здесь соорудят, вскоре будет разрушено ветром и морскими волнами.

Авуазе нравилось наблюдать за работой мужчин. Каждое движение их рук, каким бы бессмысленным оно ни было, подтверждало: в мире выживает лишь тот, кто стремится его изменить, а не тот, кто застыл в ожидании.

Двое мужчин, которые к ней приближались, не работали вместе со всеми: этого они не делали

никогда. Их помощь заключалась только в словах ободрения, призывах стойко переносить превратности судьбы и не отступать от своих целей, но сегодня даже это не входило в их планы. Вместо этого они рассказывали о возвращении Аскульфа и о том, что он принес новости — новости не слишком хорошие.

Авуаза едва заметно напряглась.

— Захвачены еще два наших города. — Ее худшие опасения подтвердились. — Люди встают на сторону Алена Кривая Борода, встречая его радостными возгласами.

— Это не люди, — процедила Авуаза, — а всего лишь блеющие овцы.

— Как бы там ни было, скоро здесь станет небезопасно.

Мужчина, сказавший эти слова, был незрячим. На языке северных народов его имя должно было звучать как Блиндур, то есть «слепец», но он настаивал на обращении Деккур — «темный».

Ему подходило это имя, и не только потому, что в его мире царила вечная тьма, — весь его облик внушал окружающим страх, и казалось, будто силой воли этот человек может заставить солнце исчезнуть с небес. Он был очень высокий и сухопарый, его черные спутанные волосы ниспадали на спину и плечи, длинная борода была неухоженной. На лице Деккура выделялись тонкие губы и острый нос. Мужчина не был слепым от рождения, глаза ему выкололи несколько лет назад после поражения в битве. Шрамы, похожие на глу-

бокие темные впадины, он прикрывал повязкой, которую иногда снимал, чтобы напомнить людям о том, как в одночасье может измениться их судьба. Еще совсем недавно он, мужественный воин из знатного рода, собирался унаследовать имущество своего умершего брата, а теперь уже не мог ни сражаться на поле боя, ни вести за собой людей.

Облик этого мужчины действовал на всех устрашающе, однако, хотя Авуазу он тоже пугал, в ней он прежде всего вызывал протест. Она ни за что не хотела пасть так же низко, как он.

— Здесь я чувствую себя в безопасности, — заявила она.

— И тем не менее нам надо бежать.

— Я никуда не уйду. Нам нельзя терять надежду.

Ей удалось подавить дрожь в голосе. Днем Авуаза старалась держаться уверенно, но ночью не могла сомкнуть глаз от страха. Боялась она вовсе не смерти, а того, что не успеет достичь поставленных целей, что ее жизнь потеряет всякий смысл и что ее запомнят как женщину, которая могла бы завоевать, объединить и укрепить королевство, но так и не сумела этого сделать. Уже год ее преследовал этот страх. Уже год в Бретани гремела война.

— Надежду? Ты говоришь о надежде? — Деккур произнес это слово с презрением. Его зубы скрипели так, будто он хотел стереть их в порошок.

«Вот что с нами стало, — подумала Авуаза. — Если бы я сказала им, что завтра захлебнусь в своей

крови, они взвалили бы эту новость на плечи, подобно тому как мужчины у вала поднимают деревья: усердно, безропотно, с привычным смирением. Когда же я хочу подарить им надежду, они слышат в моем голосе издевку».

— Да, я знаю... Бретань все больше уступает натиску.

— А сегодня Ален захватил и Нант.

Авуаза закрыла глаза. Нант. Этот город должен был стать ее столицей, а не столицей ее врага.

В разговор вступил мужчина, который пришел вместе с Деккуром и до сих пор молча слушал с лукавой улыбкой на губах.

Бывший монах, он несколько лет назад стал слугой Авуазы, однако вел себя с чувством собственного достоинства и постоянно пускал в ход язвительность. «Вы можете отнять у меня свободу, — читалось в каждом его слове и жесте, — но не разум».

— Ален призывает бретонцев — графов, виконтов и знатных представителей общин — взяться за оружие и поддержать его в этом бою. Говорят, что, когда Ален окончательно захватил Нант, путь к собору он расчистил себе мечом. Сейчас Ален расположился в башне.

У брата Даниэля был гнусавый голос, как будто в горле у бывшего монаха застрял какой-то острый предмет, который затруднял дыхание и не позволял разговаривать громко. Мужчина всегда держал голову опущенной, но производил впечатление не слабого или трусливого, а наоборот, злобного человека.

Отвернувшись, Авуаза бросила взгляд на море и высокие скалы: падение с них означало бы верную смерть. Камни были настолько гладкими, что казалось, будто их обработала рука человека. На скалы с криком опустилась стая чаек: этих птиц не страшили ветра.

«В этом сила природы, — подумала Авуаза. — В непроходимой глуши она возводит прочные каменные крепости, которые не разрушатся и через сотни лет, а наш вал, возможно, снесут и сожгут уже завтра».

— Как нам не потерять надежду, зная все это? — спросил Деккур.

Вместо ответа Авуаза взглянула на Аскульфа — воина, который принес плохие вести и сейчас приближался к ней. Его лицо не выглядело ни мрачным, как у Деккура, ни злобным, как у брата Даниэля, — оно не выражало совершенно ничего.

— У меня есть новости не только об Алене Кривая Борода, — сообщил Аскульф, — но и... о ней. — Он выдержал торжественную паузу. — Мы нашли Матильду.

Авуаза отреагировала сдержанно, как всегда. Она не вздрогнула от радости, не возликовала и не залилась слезами, которые могли бы поведать о страданиях, терзавших ее душу много лет. И только легкая улыбка расцвела на ее губах, когда Аскульф стал рассказывать о монастыре, в котором жила Матильда.

— Эта обитель носит имя Святого Амвросия, — завершил воин свое повествование. — Она расположена в глухом месте в окружении лесов.